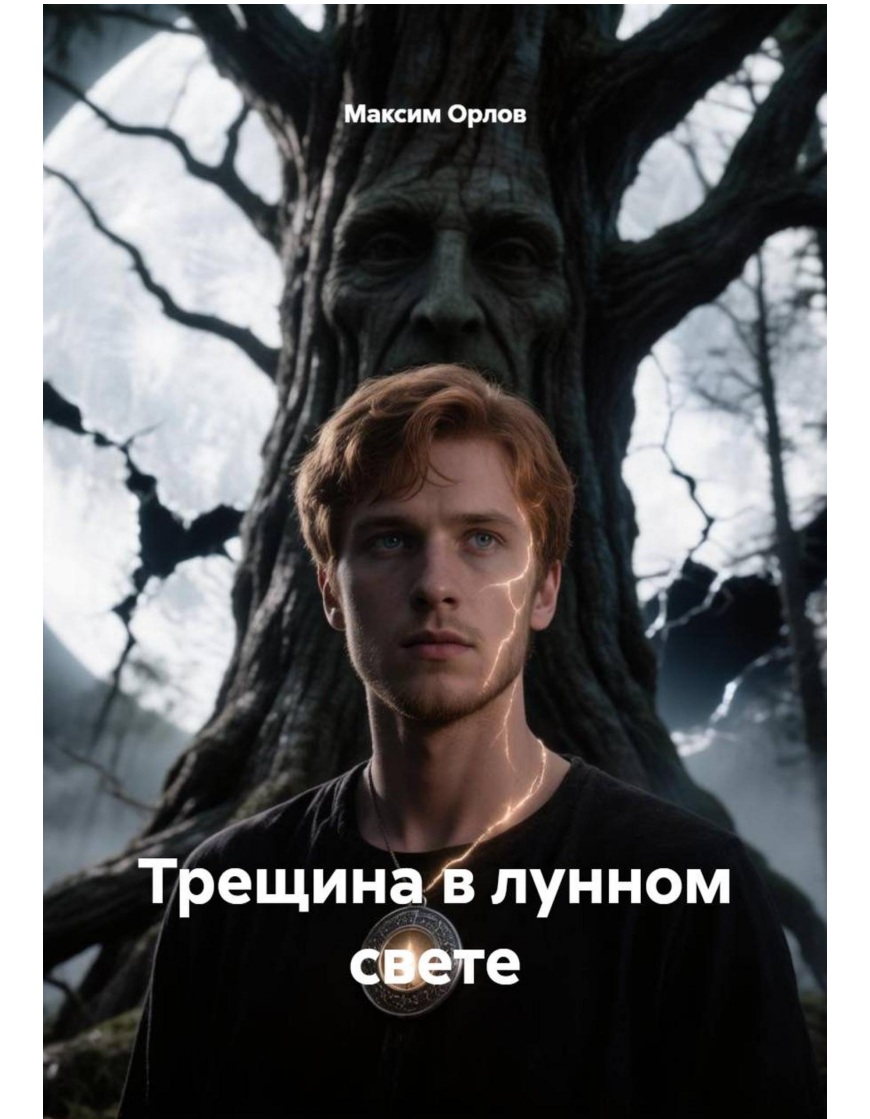

A movie poster featuring a young man with reddish-brown hair and blue eyes, looking directly at the camera. He is wearing a dark t-shirt and a necklace with a large, ornate circular pendant. A glowing, crack-like light runs down his face and neck. In the background, a large, gnarled tree trunk with a face carved into it is visible against a cloudy sky. The text 'Максим Орлов' is at the top, and 'Трещина в лунном свете' is at the bottom.

Максим Орлов

**Трещина в лунном
свете**

Максим Орлов

Трещина в лунном свете

<https://litres.ru/74256883>

SelfPub; 2026

Аннотация

В Городе Забытого Времени люди пьют чужую память, чтобы заглушить пустоту. Но у Героя нет даже своей. С холодным медальоном на груди и шрамом амнезии в голове он отправляется в живой, дышащий Лес. Его цель — закрыть трещину на луне, разлом в самой ткани реальности, который тянет из мира силы и жизни.

В чаще он встречает Лешего — хранителя, который столетиями платит за стабильность мира собственными воспоминаниями, постепенно превращаясь в дерево. Леший знает правду: трещину нельзя починить, её можно лишь временно заткнуть живой душой. Но Герой, ослеплённый жаждой искупления, нарушает древний протокол, заставляя Лешего отдать последние крохи человеческого «я».

Мрачная и атмосферная притча о том, какова истинная цена спасения. О памяти, что тяжелее коры, и о жестокой цикличности жертв, где каждый спаситель неизбежно становится следующей жертвой. Мир спасён. Но где-то на Дороге уже идёт новый путник. И его медальон начинает остывать.

Содержание

Пролог. Трещина в лунном свете	4
Глава 1. Дорога, которая помнит	9
Глава 2. Тот, кто стоит у дуба	18
Глава 3. Первое воспоминание	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Максим Орлов

Трещина в лунном свете

Пролог. Трещина в лунном свете

Луна не светила — она кровоточила.

Она повисла над черной макушкой леса нестерпимо низко, придавленная к земле невидимой тяжестью. По её мертво-белому диску шла трещина. Не тень. Не облако. Рваная, извилистая, безжалостно острая. Словно кто-то с размаху ударил по небесному стеклу.

Свет. Тьма. Трещина.

Вокруг неё пространство дрожало, рассыпаясь в мелкую, болезненную дрожь. И от этой раны в небо по лесу стекал холод. Не зимний. Внутренний. Тот, что пробирает до костей и останавливает сердце.

Леший стоял у старого дуба. *Я должен держать*, думал он, впиваясь пальцами в шершавую кору. *Я должен держать, пока не рассветет.*

Его голос, когда он дышал, был похож на треск сухих веток. Лунный свет скользил по его плечам, но не грел — он вытягивал. Это был Закон Равноценного Обмена: чтобы запечатать трещину в небе, лес должен отдать часть себя.

Леший закрыл глаза и попытался вспомнить. *Что я забы-*

ваю сегодня? Он напряг разум, цепляясь за образ. Женское лицо. Улыбка. Запах лаванды и печного хлеба. Он помнил лаванду. Помнил хлеб. Но лицо... лицо уплывало, словно отражение в мутной воде. Цвет её глаз. Какими они были? Серыми? Зелеными? *Нет. Стой. Не уходи.* Он судорожно вдохнул, но образ рассыпался пеплом. Осталась только лаванда. И смутное, тянущее чувство в груди, которое он больше не мог назвать любовью, потому что забыл, кого любить.

Плата за магию — память. А плата за Дорогу — двойная память.

Дорога. Он чувствовал её за десятки верст отсюда. Она была как артерия, по которой текли человеческие амбиции, клятвы и предательства. Дорога не знала жалости. Она требовала, чтобы слова имели вес, но люди на ней были легковесны. Они клялись в вечной любви у алтаря и нарушали клятву на рассвете. Они обещали золото и оставляли долги.

И вся эта грязь, вся эта нарушенная воля стекала по Дороге сюда. В Лес. Лес был клапаном. Фильтром. Он вбирал грязь нарушенных клятв, чтобы мир не раскололся пополам. А трещина на луне — это лишь видимый симптом. Шрам на теле реальности.

Сто лет назад здесь стоял другой.

Предшественник. Высокий, с руками, до локтей покрытыми черной, обугленной корой.

«Я больше не могу, — шептал тогда предшественник, и его глаза были полны безумия. — Они лгут каждый день.

Они лгут, когда спят. Я не помню даже своего имени. Прости меня, Лес». Он произнес Запретное Слово. Слово, которое разрывает связь. Трещина сомкнулась, потому что предшественник отдал ей всю свою человеческую суть, превратившись в труху и прах. А через год трещина открылась снова. Мир не терпит пустоты. И лес вырастил нового хранителя. Из того, кто забрел слишком глубоко и не смог вернуться.

Леший открыл глаза. Кора на его предплечьях медленно, со скрипом, ползла выше, впиваясь в живую плоть. Боль была тупой, ватной. Он терял чувствительность. *Сколько у меня осталось? Час? Два?*

Где-то далеко, за чертой леса, простирался Город Забытого Времени. Леший видел его однажды, в провалах памяти. Город, где башенные часы идут назад, а на площадях торгуют воспоминаниями, расфасованными в стеклянные колбы. Там люди пьют чужую радость, чтобы заглушить свою пустоту. Именно оттуда, из Города, пришла самая сильная волна нарушенных клятв. Та самая Великая Клятва, что держала небо.

Теперь трещина на луне расширялась. Медленно. На миллиметр в час.

Лес вокруг затих. Ветер замер. Птицы спрятались. Это была тишина натянутой тетивы. Леший посмотрел на свои руки. Левая уже почти одревенела, пальцы срослись, превратившись в сук. Правая — еще человеческая. Но под кожей, на виске, он чувствовал, как пульсирует пустота.

Я могу уйти, — пронзила его предательская мысль. — Я могу просто шагнуть в сторону. Пусть трещина раскроется. Пусть небо упадет на Город. Пусть Дорога захлебнется в своей лжи. Я устал. Я так устал. Он сделал шаг. Кора на ноге хрустнула. Но тут же дуб под его ладонью дрогнул. Подал слабый, вибрирующий импульс. *Ты ещё здесь?* Леший стиснул зубы. Человеческая часть его души кричала от боли и обиды. Но часть лесная — древняя, тяжелая, мудрая — знала: если он уйдет, умрут не только люди. Умрут корни. Умрет мох. Умрет сама тишина.

Он остался. — Здесь, — выдохнул он. Голос прозвучал как скрежет камня о камень.

Трещина на луне не двигалась. Она ждала. И тут Леший почувствовал его.

Кто-то шел по Дороге. Аура этого существа была невыносимо яркой. Ослепительной, как вспышка магния в темной комнате. Это был юноша. Герой. С сердцем, полным наивной ярости, с мечом, который еще не нюхал крови, и с клятвой, которую он еще не успел нарушить. Он шел сюда. Думал, что может спасти лес. Думал, что может исцелить луну.

Бедный, глупый, прекрасный глупец, — подумал Леший, и в его груди, там, где еще билось человеческое сердце, шевельнулась то ли жалость, то ли злость. — *Ты думаешь, твоего света хватит, чтобы заткнуть эту дыру?*

Леший улыбнулся. Уголками губ, которые с трудом двигались, потому что кожа на лице начинала грубеть. — Иди

сюда, — прошептал он, и ветер, повинувшись его воле, рванул к опушке. — Я подожду. Я покажу тебе, какова цена твоих красивых слов.

Ветер пронесся над оврагами, сквозь серебряные паутины тумана, и ударил в лицо путнику. Где-то далеко, на пыльной дороге, юноша в потертом плаще вдруг остановился. Он поднял голову. Его рука легла на рукоять меча. Он посмотрел в сторону леса, откуда на него пахнуло невидимым, древним холодом и запахом прелой листвы.

Юноша улыбнулся, подбадривая себя. Он верил, что несет свет. Луна над ним была целой. Серебристой, спокойной, безупречной.

Пока.

Глава 1. Дорога, которая помнит

Герой шёл уже третий час. Или четвёртый — время здесь потеряло свою жёсткую, привычную геометрию. Оно растягивалось, как горячая смола, и застывало липкими, тяжёлыми каплями. Дорога петляла не хаотично, а пугающе осмысленно. Она будто знала, куда ведёт, но играла с ним, проверяя на прочность каждым крутым поворотом, каждым предательским скрипом гравия под подошвами.

Он нёс в себе вопрос, который боялся задать вслух, чтобы не спугнуть хрупкое, болезненное равновесие: *что я здесь ищу?*

В Городе Забытого Времени, среди пыльных, уходящих в темноту архивов и людей с глазами, похожими на мутное стекло, ему сказали только одно: «Ты потерял нечто важное. Иди в лес, туда, где кончаются камни». Он не спросил, что именно потерял. Побоялся услышать ответ, который перевернёт всё, что он считал собой, и превратит его в пустую оболочку.

Медальон на груди был холодным. Пронизывающе, до мелкой дрожи в пальцах, ледяным. С тех пор, как он очнулся на обочине этой же дороги с ватной, ничего не помнящей головой и этим чёрным металлом в сведённой судорогой ладони, прошло две недели. Тогда медальон обжигал пальцы жаром углей из кузнечной печи, пульсируя в такт его соб-

ственному, испуганному сердцу. Сейчас он вытягивал тепло из кожи, словно маленький, прижившийся в груди паразит, пытаясь заморозить то небольшое человеческое, что ещё теплилось внутри.

Дорога раздвинулась сама собой, пока он пытался перевести дух. Он судорожно оперся рукой о ствол ближайшего дерева — кора была сухой и горячеей, несмотря на отсутствие солнца. Впереди путь раскололся надвое.

Правый путь уходил вверх по крутому, каменистому склону, к роще мёртвых стволов. Они чернели на фоне неба, как обгоревшие спицы, воткнутые в землю гигантом. Левый — вниз, в глубокий овраг, откуда тянулся густой, неестественно белый туман. Он был цвета разбавленного молока, но в нём читалась какая-то тяжёлая, болезненная плотность. Туман не стелился по земле — он стоял стеной, и из его глубины не доносилось ни звука. Оба пути выглядели одинаково неправильно. Оба отталкивали, вызывая тошноту на уровне инстинктов.

В кармане куртки лежала фляга. Вода кончилась ещё вчера утром, но он продолжал судорожно сжимать её сквозь ткань, пока пальцы не немели. Это было последнее материальное доказательство того, что мир за пределами этого проклятого леса всё ещё существует. Что он не сошёл с ума. Что он всё ещё человек, которому нужна вода.

— Куда идти? — хрипло спросил он у медальона. Голос прозвучал чужим, плоским и быстро погасшим в вязком воз-

духе.

Металл молчал, отвечая лишь ледяным уколом в ключицу. Но когда герой поднял голову, левый путь исчез.

Это не было иллюзией или игрой света. Туман не просто скрыл тропу — он поглотил её целиком, сомкнулся над ней, как пасть хищника, жующего добычу. От оврага потянуло тяжёлым, сладковатым запахом гниющей листвы и чего-то старого, похожего на окислившуюся медь. Выбор перестал быть выбором. Лес сам отрезал ему путь, вежливо и безжалостно.

Герой пошёл направо. Наугад. Как всегда. Только теперь, с каждым шагом вверх, он понимал: если бы он шагнул в туман, дорога бы приняла его. Она ждала этого. Ей нравилось заполнять свои пустоты чужими жизнями, перемалывать их в пыль и сок.

Тропа пошла круче. Деревья здесь стояли не просто гуще — они смыкались, образуя живой, дышащий коридор. Стволы были искорёженными, словно застывшими в агонии, ветки свисали так низко, что приходилось пригибаться, отводя их, будто чужие холодные руки. Свет почти не пробивался сквозь этот полог. Герой поднял голову и увидел небо — узкую, ломаную полоску серого свинца. Не лунный свет. Просто отражение облаков. Или самой луны, скрытой за пеленой. Он не был уверен ни в чём с того дня, как открыл глаза на обочине.

Внезапно медальон на груди дёрнулся.

Не больно — коротко, резко, словно металл сжался от холода или испуга. Герой замер, нащупал застёжку, расстегнул ворот рубашки и посмотрел на металл. Тёмный. Матовый, похожий на застывшую кровь. Но теперь в его центре пульсировала тонкая алая жилка. Едва заметно, на грани видимости. Как капилляр под кожей мертвеца, в который вдруг ударила кровь.

Герой прислушался, затаив дыхание. Ничего. Только ветер, который шумел в кронах слишком ритмично, словно отсчитывал секунды до чего-то неизбежного, и его собственное сердце, звучавшее в ушах оглушительно громко. Он судорожно застегнул рубашку. Пульсация не прекратилась. Наоборот — стала ровнее. Увереннее. Словно кто-то там, внутри металла, наконец нашёл нужный ритм. Ритм, который не совпадал с его собственным, а пытался его перебить. Подчинить.

Тропа вывела его на опушку неожиданно. Деревья просто расступились, втянули ветви, освобождая проход, будто испугавшись пустоты впереди.

Перед ним была поляна. Круглая, мертвенно-тихая, идеальная, словно вырезанная гигантским ножом из зелёного бархата леса. Трава здесь росла ниже, чем вокруг, и была одинаковой по высоте, как аккуратно подстриженная щетина. По краям, в идеальном, пугающем геометрическом порядке, стояли камни — старые, поросшие седым мхом, с гладкими, стёртыми веками гранями. Они стояли кольцом,

будто ждали кого-то с начала времён, соблюдая некий древний, забытый ритуал.

А в центре поляны стоял дуб. Огромный. Древний. Невозможный.

Его крона накрывала поляну плотным, непроницаемым куполом. Свет под ней был не серым, а густо-зелёным, мутным, как вода на дне глубокого колодца. Почти красивым. И от этого красивого, неживого света становилось не по себе.

И у дуба стоял кто-то.

Герой замер, врос в землю, чувствуя, как холодный пот проступает на спине. Человек — или то, что выглядело как человек. Высокий, неестественно худой, в одежде, чьи лохмотья сливались с корой и мхом, создавая иллюзию, что дерево само вырастило эту фигуру. Лицо бледное, почти прозрачное, неподвижное, как маска. Но глаза... Глаза были тёмными, бездонными, и они смотрели не на гостя, а сквозь него — куда-то в затылок, туда, где сходятся позвонки.

Герой хотел заговорить. Хотел спросить, где он, куда ведёт эта дорога, почему трава под ногами пружинит, как живое, пульсирующее мясо. Но воздух вдруг стал вязким, как остывающая смола. Горло перехватило сухим, царапающим спазмом. Что-то в этих глазах заставило его замолчать — древний, животный инстинкт добычи, встретившей взгляд хищника, который не бежит, потому что знает: ты никуда не денешься.

Человек у дуба не двигался. Лес вокруг не двигался. Даже

ритмичный ветер стих, оборвавшись на полуслове, словно боялся нарушить тишину.

И в этой абсолютной, звенящей тишине герой слышал — скорее почувствовал вибрацией костей черепа, чем ушами, — как медальон на его груди стал теплее. Совсем чуть-чуть. На долю градуса. Но ледяные оковы на его сердце разомкнулись.

Герой судорожно выдохнул, впуская в лёгкие пахнувший озоном и прелой хвоей воздух. Медальон отозвался мягким, почти ласковым толчком тепла.

Тишина лопнула, как натянутая струна.

Человек у дуба моргнул. Медленно, тяжело, как существо, которое долго спало стоя, забыв, как закрываются веки. Его зрачки сфокусировались. Теперь они смотрели прямо на героя. Изучающе. Без угрозы, но и без жалости. Как патологоанатом смотрит на свежий труп, пытаясь понять, что именно сломалось в этой машине.

— Ты заблудился, — сказал он.

Это не было вопросом. Это был сухой, констатированный диагноз.

Герой вздрогнул всем телом. Он не слышал шагов. Не видел, как фигура переместилась. Человек не сделал ни шага — он просто *оказался* ближе. Пространство между ними схлопнулось, словно лес решил сократить дистанцию за них обоих, сжав реальность в кулак. Теперь до него было рукой подать. Герой мог разглядеть, что кожа существа не просто

бледна — она покрыта мелкой, похожей на лишай, сеткой трещин.

Герой сглотнул ком сухой слюны, царапнувшей горло. — Я... да. Я шёл по дороге, и она...

— Дорога здесь не ведёт никуда, — перебил тот. Голос был тихим, лишённым эха. Он звучал так, будто был соткан из шороха сухих листьев, скрипа сломанных веток и далёкого, едва уловимого стона корней, тянущихся к воде. — Она всегда возвращается. Вопрос только — когда ты забудешь, зачем начал идти.

Герой кивнул, не в силах отвести взгляд. Он не знал, что сказать. В Городе Забытого Времени учили, что с лесными духами нельзя говорить первыми. Их задабривают чёрствым хлебом, обходят стороной, плюют через левое плечо и шептят обереги. Но этот не был духом из сказок пьяных егерей. Он был похож на человека, который слишком долго смотрел в зеркало и забыл, как отвести взгляд, пока его собственное отражение не стало смотреть на него само.

— Как тебя зовут? — спросил герой. Сам не понял зачем. Просто нужно было заполнить эту звенящую зелёную тишину хоть чем-то человеческим, тёплым. Нужна была иллюзия диалога.

Тот помолчал. Долго. Так долго, что герой успел пожалеть о вопросе, ожидая, что сейчас корни схватят его за лодыжки, а земля разверзнется. Потом уголки губ существа дрогнули. Это не было улыбкой — это была трещина в старой, облуп-

пившейся штукатурке.

— Когда-то меня звали иначе, — сказал он, и голос его стал чуть тише, почти интимно. — Теперь я просто тот, кто стоит у дуба. Этого достаточно.

— Достаточно для чего?

Существо не ответило. Оно повернулось спиной. Движение было плавным, текучим и пугающе тяжёлым — неестественным для человеческого позвоночника, который должен был бы хрустнуть и сломаться при таком изгибе. Оно пошло вглубь леса. Шаг, другой, третий — и оно растворилось между стволами, став частью тени, частью коры, частью самого леса.

Только тропа, ведущая следом, осталась висеть в воздухе немым, гипнотическим приглашением.

Герой остался один. Медальон на груди пульсировал ровно и горячо, как маленькое второе сердце. Он больше не морозил кожу. Он грел. И это тепло было страшнее холода, потому что оно означало: паразит проснулся. Он был доволен.

Герой посмотрел на тропу. На дуб. На место, где секунду назад стояла невозможная фигура.

«Беги», — шептал разум голосом инструктора из Города, хрипло и требовательно, перебивая стук второго сердца в груди. — *«Это ловушка. Беги, пока можешь. Развернись и беги».*

Но ноги сами сделали шаг вперёд. За ним второй. Воздух снова потяжелел, наполняясь запахом прелой листвы, озона

и чего-то металлического — как кровь на свежем снегу.

Тропа сомкнулась за его спиной. Деревья встали стеной. Выбора больше не было.

Глава 2. Тот, кто стоит у дуба

Леший не обернулся. Ему не нужно было оборачиваться, чтобы знать: чужак стоит на краю поляны.

Лес шептал ему обо всём, что происходило под его пологом. Он чувствовал не запах и не звук шагов. Он чувствовал *вес*. Чужак давил на землю, на корни, на саму ткань леса своей чужеродностью. Он не был плохим или хорошим. Лес не знал этих человеческих категорий. Он был просто *чужим*. Как камень, упавший в воду. Как болезнь, которую тело ещё не научилось отторгать.

А на груди у чужака билось что-то мёртвое и тёплое одновременно. Медальон.

Леший прикрыл глаза, и перед его внутренним взором вспыхнули образы — скользкие, ускользающие, как речная рыба. Он помнил — или ему казалось, что помнит, — как такие куски холодного металла попадали в руки людей. Как они носили их на шее, грели у сердца, верили, что тонкая гравировка защитит от стали и огня. Он помнил, как медальоны остывали. Как люди, носившие их, уходили. Кто на Дорогу, чтобы забыть. Кто в землю, чтобы стать удобрением. Кто в никуда, чтобы стать эхом.

Этот медальон ещё не остыл. Но уже начинал. Его тепло было слабым, как сердцебиение птенца, который ещё не знает, что вылупился в гнезде, где нет матери.

Леший стоял у дуба, позволяя коре на своей спине сливаться с шершавой древесиной. Он слышал дыхание героя — частое, неровное, пахнущее страхом и пылью Дороги. Страх. Интерес. Желание понять. Эти эмоции витали в воздухе, как споры папоротника.

Уходи, — пульсировала мысль в корнях дуба, тяжёлая и мудрая. Не впускай. Пусть идёт дальше. Пусть Дорога заберёт его.

Леший мог бы так и сделать. Он мог бы просто раствориться. Стать тенью под корой, стать самим деревом, стать ветром в хвое. Герой никогда бы его не нашёл. Он бы посто-ял, покрутился на месте и ушёл бы обратно, к своим иллюзиям. Это было бы правильно. Безопасно.

Но что-то удерживало Лешего.

Может быть, медальон, который отозвался слабой, но узнаваемой болью в его собственной, давно одревеневшей груди. Может быть, то, что герой ещё не знал, во что ввязался, шагая по тропе, которая вела не к спасению, а к расплате.

Или, может быть — и эта мысль была тихой, постыдной, как шёпот гнилого листа — Леший просто устал быть один. Сто лет он слушал, как лес дышит. Сто лет он забывал слова, которые когда-то умел говорить. И сейчас, глядя на эту хрупкую, живую, пахнущую кровью и потом фигуру на опушке, он почувствовал то, чего не чувствовал с тех пор, как его собственное сердце последний раз билось в человеческой груди.

Жалость.

Леший открыл глаза. Мир под куполом дуба был густо-зелёным и неподвижным.

— Ты заблудился, — сказал он.

Он не слышал, как прозвучал его голос. Для него это был просто ветер, прошедший через сухие листья. Но он видел, как вздрогнули плечи героя. Чужак не слышал шагов, не видел, как Леший поворачивал голову. Просто в какой-то момент взгляд Лешего перестал смотреть сквозь него, сфокусировавшись на лице, на глазах, на пульсирующей жилке на шее.

Герой сглотнул. Леший почувствовал, как сжалось его горло. — Я... да. Я шёл по дороге, и она...

— Дорога здесь не ведёт никуда, — перебил Леший. Он говорил тихо, но каждое слово падало на поляну, как тяжёлый камень в тихий омут. — Она всегда возвращается. Вопрос только — когда.

Герой кивнул. Леший видел, как в его глазах мечутся тени. В Городе Забытого Времени, откуда, судя по запаху пыли и архивной плесени, пришёл этот мальчик, учили бояться леса. Учили задабривать духов хлебом и не смотреть им в глаза. Но Леший не был духом. Он был тем, кто остался, когда все духи ушли. Он был человеком, который слишком долго прожил нечеловеческую жизнь, и теперь его кожа помнила только кору, а кровь — только сок.

— Как тебя зовут? — спросил герой.

Вопрос повис в воздухе, нелепый и хрупкий. Леший по-

чувствовал, как герой сам пожалел о нём, как он напрягся, ожидая, что сейчас лес сомкнётся и перемелет его кости за эту дерзость.

Леший помолчал. Он пытался найти в себе то, что когда-то было его именем. Он перебирал в памяти звуки, слоги, но находил только шорох ветра и скрип веток. Имя ушло. Оно было отдано лесу в качестве платы за первое утро.

Потом уголки его губ дрогнули. Это не была улыбка. Это была память о том, как улыбаются, когда хотят скрыть боль.

— Когда-то меня звали иначе, — сказал он, и голос его стал чуть тише, почти интимно, как шорох листвы над могилой. — Теперь я просто тот, кто стоит у дуба. Этого достаточно.

— Достаточно для чего?

Леший не ответил. Он не мог объяснить, что этого достаточно, чтобы не сойти с ума. Что этого достаточно, чтобы помнить, кто ты, даже когда забываешь своё имя.

Он повернулся. Движение далось ему тяжело, словно суставы сопротивлялись, не желая менять позу, в которой он простоял век. Он пошёл — не к герою, а в сторону, вглубь леса, туда, где тени были гуще, а корни — старше.

Шаг. Кора на его ноге хрустнула, ломая сухие иглы. Два. Тень поглотила его плечи. Три. Он стал частью леса.

Но он знал, что тропа осталась висеть в воздухе. Он знал, что герой смотрит на дуб, на медальон, на своё собственное отражение в тёмной воде луж.

Леший шёл впереди, не оглядываясь. Он чувствовал, как медальон на груди чужака пульсирует чуть сильнее, теплее. Он чувствовал, как герой делает первый шаг. Потом второй.

Иди, — думал Леший, и в его мыслях не было ни злобы, ни радости. Только тяжёлое, как камень, принятие. Иди за мной. Посмотрим, хватит ли тебе света, чтобы не стать таким же, как я.

Воздух за его спиной потяжелел. Тропа сомкнулась. Лес начал свою работу.

Глава 3. Первое воспоминание

Он шёл за Лешим, и каждый шаг отдавался в висках тупым, пульсирующим вопросом: *зачем я здесь?*

Медальон на груди бился в такт его собственному, испуганному сердцу. Герою казалось, что где-то глубоко, за этой ритмичной пульсацией, за тонкой алой жилкой металла, прячется картинка. Лицо. Имя. Ключ. Но стоило ему лишь мысленно протянуть руку к этому образу, как он рассыпался в прах, оставляя на затылке лишь липкий, тошнотный холод.

Тропа вела в самую гущу, туда, где свет умирал, не успев родиться. Леший не оборачивался, но он слышал героя не ушами. Он чувствовал его шаги — вибрацию, с которой чужая, тяжёлая жизнь передавалась по корням и мицелию.

Шестьдесят семь шагов. Пауза. Сбивчивое дыхание. Ещё тридцать два.

Герой устал. Его мышцы налились свинцом, но он не останавливался. Леший знал это чувство — когда тело давно хочет упасть, а гордость или страх не позволяют согнуть колени.

Сам Леший остановился внезапно. Не потому что захотел. А потому что что-то внутри него, невидимая и прочная нить, связывающая его с пульсацией леса, резко натянулась и оборвалась.

Трещина на луне.

Он не видел её сквозь сомкнувшиеся кроны, но он *чувствовал* её. Это было не зрительное ощущение, а физическое. Давление. Будто небесный свод прогнулся и теперь давил ему на плечи, на позвоночник, на самую середину черепа. И вместе с этим чудовищным, нестерпимым давлением пришло то, что он так старательно запирает в самых тёмных углах своего разума.

Память.

Леший шатнулся и прислонился спиной к ближайшему дереву. Кора впилась в него — шершавая, холодная, живая. Дерево чуть дрогнуло под его весом, подавая слабый сок, будто пыталось поддержать, влить в него свои силы.

— Что происходит? — голос героя донёсся откуда-то сзади. Напуганный, тонкий, чужой.

Леший не ответил. Он не мог. Он слышал собственное дыхание — тяжёлое, рваное, хрипящее. Казалось, его лёгкие наполнялись не воздухом, а пылью веков. Чем-то старым, давно умершим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.